

ПРАВДА

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

(«Баня» в постановке Московского театра сатиры)

*

«ВРЕМЯ, вперед!» — эти крылатые слова, рожденные в пору первой пятилетки, и как бы вобравшие в себя ее стремительный воздух, ее горячий темп, знает каждый из нас. Со страниц газет и книг они вошли в быт, стали народной поговоркой. «Время, вперед!» — так и назван роман В. Катаева, одна из самых известных в мире книг советской литературы.

Не все, однако, знают, что эти крылатые слова впервые прозвучали на спектакле «Баня». К премьере своей пьесы (она состоялась 16 марта 1930 года) Маяковский написал специальные лозунги. Их развешивали на сцене, в зрительном зале. В конце действия на авансцене появлялись полотнища с новыми лозунгами, обращенными к зрителям. И один из этих лозунгов был такой:

Шагай страна, быстрее, моя, —
Коммуна у ворот.

спектаклю «Клоп», написанной самим поэтом: «Не злись на шутку нашего: это не про тебя, а про твоего знакомого», — некоторые все-таки обижаются... А это лучшее доказательство того, что комедии Маяковского и сейчас бьют в цель без промаха.

Конечно, есть в них, этих пьесах, написанных три десятилетия назад, черты быта, уже отошедшие в прошлое. Например, начальные картины «Клопа». Тут в спектакле, что ни фигура, то скульптурно выточенный образ, будь то разносчик пуговиц («из-за пуговицы не стоит жениться, из-за пуговицы не стоит разводиться») или продавец книг («105 веселых анекдотов...»), или разносчица духов («Духи Коти на золотники... Духи Коти на золотники»). Они носят теперь характер красочных иллюстраций давно минувших времен. Для нас давно минувших... Весной этого года Московский театр был на гастролях в Польше, и театральные работники рассказывают, что эти сценки там имели шумный успех. Они били не в бровь, а в глаз.

Есть отголоски давно минувшего и в «Бане». Но, разумеется, не ими, не картинами прошлого быта увлекают спектакли зрителей.

Пронсходит удивительная и вместе с тем обычная для искусства метаморфоза. И автор, и театр всеми средствами убеждают зрителей, что, скажем, Присыпкин и Олег Баян из «Клопа» или Победоносиков и Оптимистенко из «Бани» своими корнями держатся в почве тогдашней действительности, что они порождение тогдашней жизни. На спектаклях перед каждым действием спускается занавес, весь расписанный цитатами из газетных заметок тех лет. Вот такие, жизненными фактами подсказаны ситуации и персонажи комедии! — говорит театр зрителям. Поэт не раз подчеркивал, что в его пьесах нет положений, которые бы не опирались на десятки подлинных случаев.

Своего Олега Баяна Маяковский во многом списал с живой природы. Существовал в ту пору третьестепенный поэт-декадент Вадим Баян, который и в самом деле сочинял некие образцы «красных свадеб» и выпустил даже книжонку под заглавием «Кумачовые гулянки». После того как на сцене появился «Клоп», Вадим Баян яростно запротестовал против «наличия в комедии слишком откровенных параллелей». Его письмо по этому поводу и уничтожающий ответ Маяковского были напечатаны 22 июля 1929 года в «Литературной газете».

То, что сейчас кажется отголосками далекой истории, в пьесах Маяковского звучало громом ожесточенной идеологической борьбы с оголтелым мешанством. Его идеологи типа Олега Баяна или репортера Моменталяникова из «Бани», приспособившись к революционным порядкам, подавали свой голос в литературе и в быту, заявляли права на «места» и «чины». И тут роль обличительно-сатирических комедий поэта была велика! В одной из статей Маяковский сравнивал фельетон со щелчком, а «углубленную литературную вещь» — с кулаком. Его «Клоп» и «Баня» и являются теми произведениями, которые, как мощные кулаки, обрушивались, обрушиваются и теперь на головы Присыпкиных и Олегов Баянов, показательных бюрократов Победоносиковых и Оптимистенковых, убежденных приспособленцев Моменталяниковых и Бельведонских.

Суть метаморфозы, которая происходит в пьесах Маяковского, состоит в том, что их образы, нарисованные поэтом по горячим следам фактов,

задуманные как злободневный отклик на события, происходившие в конце 20-х годов, перешагивают время, становятся нарицательными персонажами, литературными типами. И это нисколько не удивительно, а обычное явление. Все подлинно большое, подлинно великое в искусстве всегда создавалось, как остро современное, злободневное, вмешивающееся в жизнь. Существует целая литература, где выясняется, кого из своих знакомых вывел в «Горе от ума» Грибоедов, изображая Фамусова, Скалозуба, Молчалина, Репетилова, какой подлинный случай имел в виду Пушкин, давая Гоголю тему «Ревизора», и т. п.

Читателю и зрителю это не так уж важно. Грибоедов и Гоголь помогают ему видеть фамусовские или хлестаковские черточки у своих знакомых. Однако поиски и находки литературоведов в этой области значительны.

Так и пьесы Маяковского, написанные на «злобу дня», помогают нам сегодня распознавать у «своих знакомых» присыпкинские или олегобаяновские черты, угадывать замашки Победоносикова или Оптимистенко. Понятно, что Присыпкин сейчас другой, он понимает толк в галстуках и носит на выпуск не крахмальную рубашку, а афишную ковбойку. А может, и не носит ее. Не в этом суть. Но попробуйте с ним поговорить серьезно, по душам о жизни, о его обязанности перед обществом, — он обязательно скажет:

— Отстаньте вы с вашими грубыми агитками...

И вы сразу узнаете: да это ведь старик Присыпкин! Это его слова. Стоит после спектакля подойти к сатирической витрине «Комсомольский луч» (она установлена как раз возле театра), окинуть взором фотографию с надписями: «хулиган, пьяница», «танцевал на городской танцплощадке рок-н-ролл» — и на вас глянут древние присыпкинские лики. Одна ретивая девица, поклонница истерического рок-н-ролла, закрыла на фото лицо руками. Лица не видно. А все равно ясно, что лицо старое!

Другой теперь и Олег Баян. Его приемы стали куда тоньше. Половчее и гибче действуют «бумажные удавы» Победоносиков и Оптимистенко. Но как они ни ловчат, а срываются. «Кажется, меня пережало временем?» — удивленно спрашивают они тогда словами Победоносикова из «Бани». А время идет вперед!

— Политическая идея «Бани», — говорил Маяковский, — это борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы. В центре пьесы — конфликт между инженером Чудаковым (его тонко, с добрым юмором показывает в спектакле артист Д. М. Каланов), который изобрел машину времени, и бюрократами Победоносиковым и Оптимистенко. Чудаков — не герой-одиночка. На его стороне лихой кавалерист Велосипедкин. Артист Б. В. Рунге рисует интересный образ комсомольца первой пятилетки, подвижного, как ртуть, паренька, готового башкой пробить все преграды. Инженера поддерживают рабочие мастерской. Даже в самой бюрократической цитадели Победоносикова обнаруживается сторонник Чудакова. Бухгалтер Ночкин ради правого дела совершает растрату. На свой страх и риск он выдает изобретателю аванс, а Победоносикову говорит, что проиграл деньги в карты.

Диалог между Ночкиным и Победоносиковым, их странная дискуссия о том, играл или не играл Карл Маркс в карты, — одна из самых интересных сцен спектакля. В ней скромный совслужащий Ночкин (артист А. С. Крюков) вырастает в борца за темп, за социалистические перспективы, а главначупус Победоносиков предстает перед зрителями «портфелем набитым», как выражается вко-

нец осмелевший бухгалтер. А портфель Победоносикова, набитый бумажками, горой громоздится на столе. Впечатление получается совсем зримое...

«Театр забыл, что он зрелище», — писал Маяковский в статье «Что такое «Баня»? Кого она моет?» Эта мысль была и для тех лет излишне категорической. Но доля правды в ней есть и сегодня. Разве мало примеров, когда блеклость сценических красок, серость театральной формы сводят на нет самые лучшие намерения режиссеров?

Спектакли «Клоп» и «Баня» весьма смело напоминают зрителям о зрелищных возможностях театра. Возможности эти сказываются не только в том, что сразу же бросается в глаза — плакаты на стенах, занавес-газета, кино... Кстати сказать, полет машины времени, переланный в сменяющихся кадрах кинохроники по годам: «Год 1931», «Год 1932» и кончая «Голом 1957» со спутником, мчащимся в космосе, — очень волнующий момент спектакля «Баня».

Тяга театра к яркой зрелищности сказывается еще и в том, что сразу в глаза не бросается, а вспоминается уже потом, после спектакля.

О чем же вспоминаешь?.. Вот выбежал насмерть перепуганный проходом машины времени секретарь главначупуса Оптимистенко (народный артист РСФСР В. А. Ленко) с крестом на шее. Увидел Фосфорическую женщину, делегатку 2030 года, и хотел было, как перед нечистой силой, сотворить крестное знамение, уже и пальцы поднес ко лбу. Но натренированно сообразил, что это ведь «ответ-женщина», и тут же перестроился. Взял под козырек и запел, надсаживаясь, хрипеленьким фальцетом: «Вы-шли мы все из народа...» Надо ли что-нибудь добавлять к образу Оптимистенко?

Вот сам начальник управления по согласованию — главначупус Победоносиков (нар. арт. РСФСР Г. П. Менглет). Он посмотрел на себя во втором действии, а в третьем действии дает указания: «Не бывает у нас таких... Ненатурально... Нежизненно... Непохоже...» Говорит этак внушительно, начальственно, а сам стоит

Оптимистенко — народный артист РСФСР В. А. Ленко.

прямехонько под театральной афишей, где он же изображен в полный рост... Изрекает Победоносиков, а сам машинально повторяет и взмах рукой и изгиб ножкой афишного человека. Тут тоже нечего добавлять к образу.

Вот третий персонаж — «британский англосакс». Понт Кич (заслуженный артист РСФСР Д. Л. Кара-Дмитриев). Появляется он на сцене, и сразу угадываешь, что за заморская птичка залетела в мастерскую, где строится чудодейственная машина времени. Он лопочет несурзное. Но Понт Кич мог бы и молчать: уже внешний рисунок образа говорит о многом.

И тут невольно припоминается второй гость на свадебном пиру в «Клопе». Этот гость не говорит ни единого слова. Он встает всякий раз, как кто-либо из гостей упоминает о «важном имени». Встает, застывает, пучит глаза — и больше ничего. Что создал этой маленькой безмолвной ролью заслуженный артист РСФСР Г. Б. Тусузов? Образ? Характер? На наш взгляд, артист создал до мельчайших деталей выверенный тип.

На спектаклях «Клоп» и «Баня», поставленных заслуженным артистом РСФСР Валентином Плучеком и народным артистом РСФСР Сергеем Юткевичем, зрители видят воочию, как рождаются, как создаются сценические типы, как рисуются на сцене художественные образы, которые остаются надолго. Вторым рождением драматургии Маяковского на сцене называют постановки Московского театра сатиры. И это справедливо.

В. ВИХРОВ.

Победоносиков — народный артист РСФСР Г. П. Менглет.